
DOI 10.15826/gr.2015.2.108

УДК 821.161.1 Достоевский-31+82.091

Валентина Борисова

АКТУАЛЬНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

Рец. на кн.: *Постникова, Е. Г. Власть в творчестве Ф. М. Достоевского (мифопоэтический и художественно-философский аспекты) : монография / Е. Г. Постникова. – Магнитогорск : МаГУ, 2014. – 202 с.*

Valentina Borisova

MODERN DOSTOYEVSKY

Review of: Postnikova, E. G. (2014). *Vlast' v tvorchestve F. M. Dostoevskogo (mifopoe'ticheskiy i hudozhestvenno-filosofskiy aspekti)*: monografiya [Power in the Works of Fyodor Dostoyevsky (Mythopoetic, Artistic and Philosophical Aspects)]. 202 p. Magnitogorsk, MaGU.

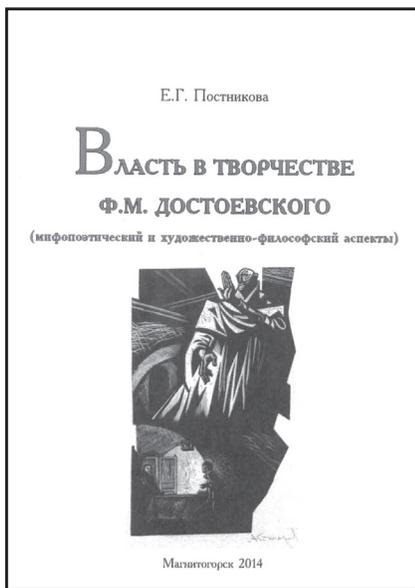
The review focuses on a book by E. Postnikova devoted to the analysis of power in the works of Fyodor Dostoyevsky through mythopoetic, artistic and philosophical aspects. The monograph describes both artistic mythology and the philosophy of power in the writer's early works and his pentalogy of novels. The book under review focuses on the problem of a charismatic leader.

Keywords: F. M. Dostoyevsky; creativity; mythology and philosophy of power; charismatic leader.

Публикация представляет собой рецензию на книгу Е. Г. Постниковой, посвященную анализу проблемы власти в творчестве Достоевского, рассмотренной в мифопоэтическом и художественно-философском аспектах. В монографии раскрывается художественная мифология и философия власти как в ранних произведениях писателя, так и в его романном «пятикнижии». Особое внимание в ней уделяется проблеме харизматического лидера.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, творчество, мифология и философия власти, харизматический лидер.

Проблема власти и властные отношения в обществе в последнее время находятся на пике популярности в общественных науках: политологии, философии, социологии, истории. Оставаясь в этом интегративном русле, монография Е. Г. Постниковой [Постникова, 2014] дает начало литературоведческим исследованиям феномена власти в творчестве Ф. М. Достоевского. Во многом она новаторская: проблема власти в произведениях писателя рассматривается в ее связях с жи-

выми архетипами национального сознания, в актуальном контексте христианской мифологии. Отсюда преимущественное внимание автора к мифопоэтическому и художественно-философскому аспектам тематики власти и властных отношений у Достоевского, таким как «власть и личность», «власть и общество», «власть и народ». Конкретные примеры их анализа и интерпретации вполне убедительны.

Так, рассматривая феномен власти в «Двойнике» Ф. М. Достоевского, Е. Г. Постникова разворачивает интересный и оригинальный комментарий архаических мифологических подтекстов повести, показывая, как в ней от-

разились древнейшие представления о власти. В этом контексте толкование грез маленького человека о властной харизме со всеми ее пародийными атрибутами, как и самой атмосферы сакральной власти, окружающей героя, приобретает новый характер.

Плодотворны размышления автора книги об идеологической связи «Двойника» с последующими произведениями писателя, в частности о развитии темы власти, ее харизмы в «Селе Степанчикове», где под пристальное внимание Достоевского попадает амбивалентный феномен тиранства-рабства, перверсия ролей раба и тирана: «Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет». В результате скрупулезного мифопоэтического анализа Е. Г. Постникова дает четкие обобщающие формулировки: начав свой творческий путь с исследования мифологии власти («Двойник»), «Достоевский ушел в дальнейшем в философию, феноменологию власти» [Постникова, 2014, с. 55].

Однако, разбирая в первой главе различные варианты становления темы власти в художественных структурах и мифопоэтических подтекстах ранних произведений Достоевского, подчеркивая при этом его следование традиции Гоголя, автор монографии, на наш взгляд, упускает из поля зрения ряд значимых творений

писателя. Например, многое для понимания темы ответственности и морального авторитета власти мог бы дать анализ рассказа «Скверный анекдот». Справедливости ради стоит заметить, что в заключение своей монографии автор, вполне сознавая перспективы дальнейшего исследования различных аспектов поставленной проблемы, пишет о необходимости обращения к другим произведениям Достоевского, включая «Дневник писателя» [Постникова, 2014, с. 174–175].

Есть некоторые лакуны и в методологическом фундаменте работы. Так, размышляя об архетипических образах «Властителя», «Царя» и т. п., Е. Г. Постникова проходит мимо концепции, которая была бы ей «ко двору». В докторской диссертации Р. Г. Назирова «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул» в отдельную фабульную традицию выделена «трагедия узурпатора» [Назирова, 2010]. Было бы интересно проверить, как результаты предложенного Е. Г. Постниковой исследования выглядят в дискурсивном поле Р. Г. Назирова, тем более что их подходы в определенной степени совпадают.

Например, Е. Г. Постникова, имея в виду как мифотворчество, так и мифоборчество Достоевского, отмечает, что он одновременно власть демифологизировал, лишая ее священного ореола, и мифологизировал, подключая к ней собственные авторские мифы. Эта мысль созвучна идеям, высказанным Р. Г. Назировым в статье «Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского: сравнительно-исторический подход» [Назирова, 2005] и в посмертно изданной монографии «Становление мифов и их историческая жизнь» [Назирова, 2014].

Таким образом, в определенном смысле Е. Г. Постникова продолжает традиции региональной методологической школы, о чем свидетельствуют ссылки на работы ее представителей [Приказчикова; Абрамзон; Власкин; Михнюкевич; Борисова; Шаулов].

Разумеется, многое в данной монографии, как в любом значительном и оригинальном исследовании, провоцирует на диалог, размышление и спор. Так, по мысли Е. Г. Постниковой, Достоевский и привлеченный для сопоставления в качестве наиболее репрезентативной фигуры М. Е. Салтыков-Щедрин в равной степени выступают и как «ремифологизаторы», и как «демифологизаторы» литературы. Так ли это? На наш взгляд, следует более четко определять тенденции мифологизации и демифологизации в творчестве Щедрина и Достоевского. Можно допустить, что у каждого из них представлены обе тенденции, но в равных ли пропорциях? Известный тезис В. Н. Топорова о взаимосвязи мифологизации и демифологизации как взаимодополняющих процессов в культуре и литературе здесь только повторяется, не обогащаясь новыми наблюдениями.

Вызывает вопросы и терминологическое словоупотребление в концепции Е. Г. Постниковой: в какой степени автор разделяет (или,

наоборот, соединяет) понятия «авторское понимание феномена власти», «авторский миф о власти» и национальная «мифология власти»? Ведь мысль художника может противоречить национальному мифу, конфликтно или диалогически пересекаясь с ним в поле индивидуального мифотворчества, которое, в свою очередь, необязательно должно быть осознанным.

Далее, оценивая методологическую выдержанность и обстоятельность раскрытия избранной темы в хронологическом и сопоставительном плане, хочется заметить, что такой подход не лишен некоторых противоречий, к тому же хронологический принцип в работе нарушается: после «Бесов» (глава 2), в третьей главе идет речь об идее власти в романе «Преступление и наказание».

Вызывает вопросы и реализация принципа сопоставления. Резюмируя принципиальное положение о биографических «сюжетах» Достоевского и Салтыкова-Щедрина, Е. Г. Постникова пишет: «1848–49-е годы стали точкой “бифуркации”, своеобразным водоразделом, после которого судьбы авторов получили разное направление» [Постникова, 2014, с. 109]. Не находится ли в данном случае автор книги в плену расхожих представлений о «каторжном перевороте» Достоевского? Думается, не стоит преувеличивать и степень близости идеологических позиций и мировоззрений Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина даже в пору их общей принадлежности к кружку Петрашевского.

Впрочем, далее, когда Е. Г. Постникова акцентирует внимание на возникшей еще в XIX в. культурной «антитезе» Салтыкова-Щедрина как бывшего чиновника и «демократа» и Достоевского как бывшего революционера и «консерватора», ее суждения не вызывают возражений.

Еще один принципиальный вопрос: что означает сам термин «власть», сквозным образом используемый в книге? Можно ли назвать, например, властью то влияние, которое оказывает на Раскольникова Соня, не позволяя ему свернуть с пути в участок? Если да, то тогда набор мифологических типов власти у Достоевского, приведенный Е. Г. Постниковой («власть Отца, власть Господина, власть Вождя, власть Судьи»), либо не полон, либо не вполне адекватно описан. По мнению автора монографии, власть Сони (как и вообще власть женщин над героями в романах Достоевского) – это власть Судьи. Но ведь Соня не судит Раскольникова, а *жалеет* его, не наказывает, а *указывает* путь возрождения.

В своей работе Е. Г. Постникова неоднократно упоминает «христианскую концепцию власти». Между тем сам Достоевский различает несколько ее разновидностей – в представлении старца Зосимы, великого инквизитора и других персонажей. См. реплику Алеши: «Это Рим, да и Рим не весь, это неправда, – это худшие из католичества, инквизиторы, иезуиты!..» Подобные *qui pro quo* требуют, конечно, тщательного разъяснения. Исторические границы понятия «христианская концепция власти», чрезвычайно важного для данного иссле-

дования, весьма широки. Из контекста исследования ясно, что имеется в виду традиционная для Древней Руси схема отношений власти и народа (в других случаях речь идет, скорее, о «православной концепции власти»). Думается, такие понятия следует употреблять с оговорками, ведь католическая концепция власти, например, существенно отличается от той, что утвердилась в православных культурах (между тем обе являются христианскими). Кроме того, необходимо учитывать, что на становление отечественной мифологии власти объективно повлияли отношения Руси с кочевым Востоком (в первую очередь с Золотой Ордой), а это выводит традиционную мифологию власти за пределы христианской культуры.

Ряд вопросов вызывают и рассуждения Е. Г. Постниковой о «Братьях Карамазовых» в третьей главе. Здесь очевидно стремление к схематизации философского подтекста романа. Так, Алеша ассоциируется с «чудом», Иван – с «тайной»; то есть два элемента из триады, сформулированной великим инквизителем, находят в представленной концепции свое место. Но ассоциировать Дмитрия с третьим элементом этой формулы, на наш взгляд, бессмысленно.

Впрочем, в рамках концепции Е. Г. Постниковой даже упомянутая схематизация выглядит закономерно. Убедительным, к примеру, является соображение о том, что Достоевский, начав с мифологии власти в «Двойнике», затем ушел в ее «феноменологию». Поэтому исследовательница, говоря о «Братьях Карамазовых», пытается рационально трактовать «поэму» Ивана о великом инквизиторе, называя ее «легендой». Но миф шире феномена, миф никогда не поддается логической интерпретации до конца. В этом залог бессмертия мифологических сюжетов (в том числе и неомифологических, индивидуально-авторских). Так стоит ли пытаться «исчерпать» проблематику «поэмы о великом инквизиторе», а мысль Достоевского в последнем романе сводить к экспликации антагонистических (Зосима и инквизитор) феноменов власти? Хотя, конечно, миф, до конца не поддаваясь рациональному осмыслению, тем не менее требует такого осмысления от воспринимающего сознания. С этой точки зрения прочтение, предлагаемое Е. Г. Постниковой, правомерно, полезно и продуктивно, поскольку дает опору для дальнейшей научной разработки национальной мифологии власти.

В конечном счете научные достоинства монографии Е. Г. Постниковой неоспоримы. Ею представлена новая и целостная концепция власти у Достоевского, рассмотренная в контрапункте с щедринской трактовкой этой темы (последняя, на наш взгляд, в данном случае раскрыта несколько фрагментарно). В более полном виде это сравнение развернуто в предыдущей книге Е. Г. Постниковой «Мифология власти и власть мифологии: М. Е. Салтыков-Щедрин – Ф. М. Достоевский» [Постникова, 2009; Постникова, 2011].

В рецензируемой монографии сравнительно-сопоставительному анализу подходов к теме власти Ф. М. Достоевского

и М. Е. Салтыкова-Щедрина посвящен только один параграф, в котором произведен анализ «Истории одного города» и «Бесов». На фоне давнего труда С. Борщевского «Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы» [Борщевский], в котором писатели были представлены идеологическими и политическими противниками, практически не имевшими точек соприкосновения во взглядах на общественно-политическую жизнь России, основные положения Е. Г. Постниковой являют собой назревшую ревизию устаревших представлений.

Но если подход С. Борщевского к сложной теме взаимоотношений Щедрина и Достоевского С. Макашин в свое время обозначил как «щедриноцентристский», аналогичный подход Е. Г. Постниковой можно назвать преимущественно «достоевскоцентристским», хотя именно феномен власти, по мнению самого исследователя, является одной из «болевых» точек притяжения-отталкивания, объединения-противостояния между художественными мирами писателей. Именно эти отношения, как справедливо подчеркивает Е. Г. Постникова, позволяют считать «Историю одного города» и «Бесов» одним мета-текстом [Постникова, 2014, с. 112].

С точки зрения достоевсковедения самой основательной частью труда Е. Г. Постниковой является анализ романа «Бесы» (глава 2), в которой глубоко раскрыто многообразие темы власти и ее мифологического претекста и подтекста у автора великого «пятикнижия». Нам представляется, что именно здесь Е. Г. Постникова добивается исчерпывающего результата своего исследования. В центре внимания автора – все типологические варианты явления «вождизма», столь характерного для кризисных, переходных моментов жизни российского общества, в том числе и современного. Преимущественное внимание к самому политическому и самому религиозному роману Достоевского в данном случае совершенно оправданно.

Действительно, в «Бесах» представлены все возможные типы политической и духовной власти, вся палитра своеобразного «конкурса самозванцев», либо мечтающих захватить власть единолично, либо планирующих войти в число «избранных будущих «правителей», что объясняется, как показано в монографии, творческим учетом известных в эпоху Достоевского политических и философских теорий власти и государства.

Поэтому конечный вывод, сделанный на основе анализа этого романа, приобретает в монографии Е. Г. Постниковой концептуальный характер: «В период работы над “Бесами” и в период “Дневника писателя” Достоевский выступает не только в качестве демифологизатора современной политики, но и как “реаниматор”, ремифологизатор русской национальной мифологии» [Там же, с. 103].

Список литературы

- Абрамзон Т. Е. Поэтические мифологии XVIII века (Ломоносов. Сумароков. Херасков. Державин). Магнитогорск : МаГУ, 2006. 480 с.
- Борисова В. В. Эмблематика Ф. М. Достоевского. Уфа, 2013. 152 с.
- Борщевский С. Щедрин и Достоевский: история их идейной борьбы. М. : Художественная литература, 1956.
- Власкин А. П. Творчество Ф. М. Достоевского и народная религиозная культура. Челябинск : ЧГПИ ; Магнитогорск : Изд-во МГПИ, 1994. 204 с.
- Михнюкевич В. А. Русский фольклор в художественной системе Ф. М. Достоевского. Челябинск : Изд-во Челябинского ун-та, 1994. 313 с.
- Назирова Р. Г. Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул // Назирова Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти : Исследования разных лет. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2010. С. 358–403.
- Назирова Р. Г. Специфика художественного мифотворчества Ф. М. Достоевского: сравнительно-исторический подход // Назирова Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход : Сб. статей. Уфа : РИО БашГУ, 2005. С. 188–198.
- Назирова Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2014. 292 с.
- Постникова Е. Г. Власть в творчестве Ф. М. Достоевского (мифопоэтический и художественно-философский аспекты). Магнитогорск : МаГУ, 2014. 202 с.
- Постникова Е. Г. Мифология власти и власть мифологии: М. Е. Салтыков-Щедрин – Ф. М. Достоевский. Магнитогорск : Изд-во МаГУ, 2009. 231 с.
- Постникова Е. Г. Мифология власти и власть мифологии: М. Е. Салтыков-Щедрин – Ф. М. Достоевский. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 272 с.
- Приказчикова Е. Е. Культурные мифы в русской литературе второй половины XVIII – начала XIX века. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. 528 с.
- Шаулов С. С. Н. Н. Страхов как творец и персонаж литературных контекстов: между Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым. Уфа : Изд-во БГПУ, 2011. 84 с.

References

- Abramzon, T. E. (2006). *Poe'ticheskie mifologii XVIII veka (Lomonosov. Sumarokov. Heraskov. Derzhavin)* [Poetic Mythologies of the 18th Century: Lomonosov. Sumarokov. Kheraskov. Derzhavin]. 480 p. Magnitogorsk, MaGU.
- Borisova, V. V. (2013). *E'mblematika F. M. Dostoevskogo* [Emblematics of F. M. Dostoyevsky]. 152 p. Ufa.
- Borshhevskij, S. (1956). *Shchedrin i Dostoevskij: istoriya ih idejnoj bor'by'* [Shchedrin and Dostoyevsky: The Story of Their Ideological Rivalry]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura.
- Mihnyukevich, V. A. (1994). *Russkij fol'klor v hudozhestvennoj sisteme F. M. Dostoevskogo* [Russian Folklore in the Artistic System of F. M. Dostoyevsky]. 313 p. Chelyabinsk, Izdatel'stvo Chelyabinskogo universiteta.
- Nazirova, R. G. (2005). *Specifika hudozhestvennogo mifotvorchestva F. M. Dostoevskogo: sravnitel'no-istoricheskij podhod* [The Peculiarities of Artistic Mythopoeia of F. M. Dostoyevsky: A Comparative Historical Approach]. In Nazirova, R. G. *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskij podhod: Sbornik statej* (pp. 188–198). Ufa, RIO BaShGU.
- Nazirova, R. G. (2010). *Tradicii Pushkina i Gogolya v russkoj proze. Sravnitel'naya istoriya fabul* [Traditions of Pushkin and Gogol in Russian Prose. A Comparative History of Plots]. In Nazirova, R. G. *O mifologii i literature, ili Preodolenie smerti: Issledovaniya razny'h let* (pp. 358–403). Ufa, Ufimskij poligrafkombinat.
- Nazirova, R. G. (2014). *Stanovlenie mifov i ihistoricheskaya zhizn'* [The Creation of Myths and Their Life in History]. 292 p. Ufa, Ufimskij poligrafkombinat.

Postnikova, E. G. (2009). *Mifologiya vlasti i vlast' mifologii: M. E. Salty'kov-Shchedrin – F. M. Dostoevskij* [The Mythology of Power and the Power of Mythology: M. E. Shchedrin – F. M. Dostoyevsky]. 231 p. Magnitogorsk, MaGU.

Postnikova, E. G. (2011). *Mifologiya vlasti i vlast' mifologii: M. E. Salty'kov-Shchedrin – F. M. Dostoevskij* [The Mythology of Power and the Power of Mythology: M. E. Shchedrin – F. M. Dostoyevsky]. 272 p. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing.

Postnikova, E. G. (2014). *Vlast' v tvorchestve F. M. Dostoevskogo (mifopoe'ticheskiy i hudozhestvenno-filosofskiy aspekt)* [Power in the Creative Work of F. M. Dostoyevsky (The Mythopoetical and Artistic-Philosophical Aspects)]. 202 p. Magnitogorsk, MaGU.

Prikazchikova, E. E. (2009). *Kul'turnye mify v russkoj literature vtoroj poloviny XVIII – nachala XIX veka* [Cultural Myths in the Russian Literature of the 2nd Half of the 18th – Early 19th Centuries]. 528 p. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

Shaulov, S. S. (2011). *N. N. Strahov kak tvorec i personazh literaturnyh kontekstov: mezhdru F. M. Dostoevskim i L. N. Tolstym* [Strakhov as a Creator and Character of Literary Contexts: Between F. M. Dostoyevsky and L. N. Tolstoy]. 84 p. Ufa, BGPU.

Vlaskin, A. P. (1994). *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo i narodnaya religioznaya kul'tura* [F. M. Dostoyevsky's Creative Work and Folk Religious Culture]. 204 p. Chelyabinsk, ChGPI; Magnitogorsk, MGPI.

The article was submitted on 07.04.2015

Валентина Васильевна Борисова
профессор,
Институт филологического
образования и межкультурных
коммуникаций Башкирского
государственного педагогического
университета им. М. Акмуллы,
Уфа, Россия
borisova@ufacom.ru

Valentina Borisova,
Professor,
Institute of Philological Education
and Cross-Cultural Communications
of Bashkir State Pedagogical Univer-
sity named after M. Akmulla,
Ufa, Russia
borisova@ufacom.ru